

БЕЗ ЛИЦА

Оксана
Кирюхина

Оксана Кирюхина

Без лица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094668

SelfPub; 2023

Аннотация

Повествование в рассказе «Без лица» ведётся о герое, глазами которого мы можем посмотреть на окружающий нас современный мир через иносказательную и символическую интерпретацию. В каждой строчке автора ирония лишь подчёркивает трагизм и беспросветную тьму, которая повисла над героем, заставляя читателя проникнуться его внутренним миром. О чём это произведение? О внутренней свободе, тихом крике, о праве выбора, об одиночестве, о смысле жизни... Справится ли герой с внутренними переживаниями и противоречиями или свыкнется с реалиями общества?

Оксана Кирюхина

Без лица

Я люблю дождливую погоду. Мне нравится, когда ни холодно, ни жарко. А в особенности у меня есть любимый серый плащ, который я с нетерпением надеваю, когда приближается осень. Также я люблю сидеть дома и слушать, как подкрадывается дождь к крыше, а потом всё сильнее и сильнее начинает бить по ней, стучась в окна многоэтажек. А порой он заглядывает в распахнутые форточки квартир, оставляя мокрые следы на шторах. Лужи мне тоже импонируют. Особенно смешно, когда дети прыгают по ним в резиновых сапожках, а собаки жадно пьют из них, как будто это самый вкусный напиток. Но не все, конечно.

Также я люблю надевать свою любимую кепку из фетра и клетчатый шарф, хотя и шерсти там совсем немного. Всего этого летом не поносишь, тем более всё мне это чрезмерно идёт и делает меня солиднее остальных. Я часто добираюсь до работы пешком, иногда сажусь в общественный транспорт, когда совсем холодно.

Мне нравится наблюдать за людьми. Они все разные. Например, осенью все резко становятся занятыми и сосредоточенными. Заходишь в маршрутку, а там все хмурые и делают вид, будто серьёзные дела проворачивают в телефонах. И никто головы не поднимет. Безликие мужчины сидят, а жен-

щины стоят. А бывает и такое, что женщины в возрасте сидят, а молодые мамочки с детьми стоят. Вообще, я думаю, в автобусе всегда можно догадаться, в каком году мы живём и кто сегодня главный. По моим наблюдениям, в наше время всем управляют безликие женщины лет пятидесяти-шестидесяти. Те всегда пролезут, где им надо и не надо. Однажды такой даме я осмелился сказать, мол, уступите место ребёнку. Так она мне чуть горло не откусила. Тут я подумал: «Вроде на рожавшую похожа. Наверняка есть уже и внуки. А может, она из тех, кто обычно говорит: "Вот в наше время не было стиральных машинок, а сейчас у молодёжи всё есть: комбайны, посудомойки, роботы-пылесосы! А мы всё своими руками делали!"» Один раз услышал я такой разговор от подобной на работе, когда в обеденное время стоял в очереди с подносом за сырниками в столовой. Хотел было напомнить, что и вы пользуетесь благами современной электроники, потому что родились, я так понимаю, давно. И прекрасно, что появилось столько времени на общение с семьёй и друзьями! Не надо стоять у раковины весь день! Но потом подумал, что лучше не стоит, а то и эта мне глотку раздерёт случайно. Таких индивидуумок у нас на работе пруд пруди. Часто их можно распознать по яркому маникюру и пончо. На улице их тоже можно легко отличить от других. Даже если пончо прикрыто демисезонной курткой. Они перебегают дорогу в неполюженном месте – там, где и близко пешеходного перехода нет. Причём дорога довольно-таки оживлённая и

широкополосная, но это не мешает им зыркать по сторонам и, крадучись, широкими шагами перебегать её. Иногда они ещё тащат за собой внуков. Даже не знаю, что их делает бесстрашными... Наверное, жизненный опыт.

К нам в школу часто приходят инструкторы по безопасности дорожного движения и рассказывают детям о том, что не надо шалить на дорогах. Ну и, конечно же, о бытовой технике, которой у них не было в молодости.

Подхожу к каменному порогу работы. И вижу их, тех, кого тащат через дорогу в неположенном месте. Вот уже несколько лет они ходят в чёрной балахонной одежде: дулая куртка, широкие брюки и глаза, смотрящие либо в бетонный пол, либо в устройство. «Если бы вы дали глянуть мне туда, возможно, я бы увидел каждого из вас, настоящего...» Но это невозможно. Это душа, которая прячется в их незрелых ладонях. Только там, в этом уютном прямоугольнике, они вправе делать выбор. А я вижу лишь тёмные и светлые волосы, закрывающие половину лица, и пальцы рук... подвижные и уверенные. Они создают жизнь внутри устройств, бешено бегая по экрану туда-сюда.

Внутри бетонной работы охранник вновь смотрит новости, не замечая меня. Лишь краем уха слышу: «По улице Николая Зелинского пятого ноября уже одиннадцатый по счёту школьник попал под машину из-за мобильного устройства. Напомню, что ранее пятеро подростков также оказались жертвами данных устройств. Один из них получил трав-

му головы, стукнувшись о витрину книжного магазина, а остальные получили переломы рук и ног, свалившись в открытый люк канализации». Небрежно ставлю подпись в амбарной книге с загнутыми краями. На этот день я обозначил себя.

Собрание безликих должно состояться в 9.00. Неспешно поднимаюсь по каменным ступеням и захожу в главный зал. Сотни глаз одновременно зыркнули на меня. Некоторые из них были строгими, а другие равнодушными, остальные – с хитринкой. Их накрашенные рты выдают шутки, когда они пролезают между кресел, обтирая колени друг друга. Набат! Гонг! Пришли они – те, кто контролирует безликих и полулицых. Их голоса уверенные и звонкие, но под парадными пиджаками – грудная клетка в виде решётки. А под ней, держась за рёбра, прячется страх. Это страх неповиновения безликих. Обычно начало всегда позитивное. Они всегда начинают своё собрание с «Ералаша», который, как они думают, взбодрит безликих и воодушевит к работе. Но безликие лишь больше вонзаются в мягкие кресла, потому что знают, что во второй части будет всё по-другому. Спешно записываю в блокнот рабочие задания с полным убеждением, что я полное ничтожество, как и все в этом зале, и направляюсь в свой кабинет. Сидят они, с чёлками. У всех они разные: у кого-то длинные с оборванными концами, у других – окрашенные и прямые, у третьих растут прямо от макушки. У каждого на краю стола лежит устройство со светящимся экра-

ном. Нервные пальцы полулицых не дают им потухать. Они всегда держат руку на пульсе. У меня есть всего лишь сорок минут. Столько мне отведено на общение с ними. Я пытаюсь заглянуть под чёлки и найти их глаза, но безуспешно. У меня на языке Бродский, а у них реклама из доставки еды. У меня эпитеты и метафоры, а у них – «Тик Ток» и блогеры. В конце отведённого времени я понимаю: «Мне никогда не раскрыть эти чёлки. Совсем скоро они станут безликими, как и я».

***

Уголок моей квартиры совсем маленький. Он находится в небе, под самой крышей. Там, где птицы громко стучат своими лапками, сооружая гнёзда для птенцов. Только здесь я с лицом. Оно худое, истощённое и расплосованное тысячами шрамов, которые начинаются от основания шеи до лба у корней волос. Глубокие морщины похожи на червей, которые прорыли ходы вокруг глаз, между бровей и переносицы. Только лишь мой кот любит ими и вместе со мной смотрит на тех, кто внизу – на безликих женщин, мужчин и полулицых подростков. Они стучат ботинками по асфальту, а в голове у них только лишь пункты задач на завтрашний день. Если бы они видели себя отсюда – с неба моего жилища, то всё сразу бы поняли и замедлили шаг. Тогда бы и лужи от дождя не брызгали им в глаза.

На бежевой стене висит чёрный квадрат.

Из него спорят друг с другом яростные мужские голоса. На самом же деле они заодно. Я не слушаю их, они лишь фо-

ном заполняют пространство моей комнаты. В голове лишь одна мысль: «Они слишком сытые, чтобы лезть в политику, а я слишком голоден, чтобы им верить». Переключаю на другой канал. Всё равно какой, лишь бы не этот.

– Однозначно могу утверждать, что мы лишь бактерии, которые заселили планету, постепенно её убивая, тем самым осваивая всё новые и новые территории, – прервал мои мысли худощавый и кудрявый седовласый профессор из чёрного квадрата на стене.

– А в чём же смысл жизни? Предназначение человека в этом мире? – спросила молодая ведущая с недовольным и напудренным лицом.

– Я вас умоляю... какой может быть смысл?! С момента нашего существования люди-бактерии только лишь боролись за выживание своего потомства. Это заставляло их приспособливаться к окружающей среде и тем самым размножаться в благоприятных условиях климата. Религия, философские концепции: «Что есть «Я» и подобная ерунда – всё это лишь «подача блюд» древних мыслителей, которые мы до сих пор «едим», улучшая вкус новыми «приправами», – с полуприкрытыми глазами учёный перекинул ногу на ногу.

– Но есть же микроорганизмы, с которыми люди борются, или, наоборот, специально размножают полезные бактерии? – продолжила задавать вопросы журналистка, явно не разбираясь в теме.

– Вся наша планета заселена ими и нами. Просто все бак-

терии делятся на разные виды, подклассы. Человечество – это более сильная палочка бактерий, которая способна влиять на изменение климата. Но и другие не спят, а продолжают мутировать и время от времени наносить немалые увечья людям. Я об этом подробнее написал в своей книге: «Человек – бактерия и не больше», – закатил глаза он. – Как говорится: «Не ищите смысла там, где его нет». Мы никакие не особенные. Нам очень хочется в это верить, но это не так! Да, научились рисовать, играть на музыкальных инструментах, писать книги, создавать электронную технику, трясти друг перед другом бумажками! Ну и что с этого?! Суть нашего размножения на Земле не меняется! Мы просто язвы, которые в скором времени планета сдует одним толчком земли. А потом появятся новые паразиты. Как это произошло с динозаврами... – лениво покачал он ногой в башмаке с длинным носом.

– Очень интересно... – решила заполнить пустоту эфирного времени журналистка.

– Нам просто трудно это признать, потому что каждому хочется считать себя особенным. Это наша эгоистичная природа. От этого никуда не деться, – с ещё большей амплитудой начал размахивать он ногой.

– На этом наша телепередача «Каждый о своём» заканчивается, – посмотрела мне в глаза ведущая. – Сегодня в гостях у нас был доктор биологических наук Виссарион Ставринский, который познакомил нас с революционной и шокирую-

щей теорией «Человека-бактерии». Учёный утверждает, что всё живое на планете – лишь скопление бактерий различных форм. Напомню, что на прошлой неделе мы обсуждали абсолютно противоположную сегодняшней концепции теорию доктора философских наук, академика Ладомира Дмитриевича Шувалова. Смотрите нас в следующую среду. Тогда-то мы и увидим, как два титана ума будут отстаивать своё мнение с доказательной точки зрения. Не пропустите этот выпуск! – протараторила громким голосом ведущая, для убедительности взмахивая головой, отчего короткие рыжие волосы постоянно подпрыгивали.

– Чушь! – сказал я себе под нос и выключил красную кнопку чёрного квадрата.

***

– А вы знали, что каждая обувь передаёт характер хозяина? – спросила меня полулицая, повстречавшись мне по пути на работу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, нахмурившись, и покосился на наши с ней ботинки.

– Особенно это заметно, когда их снимаешь у порога. Например, у моей мамы они чуть грустные и наспех снятые, потому что она всегда приходит с покупками из продуктового магазина и, не нагибаясь, снимает их у порога, старается выполнить как можно больше дел за день. А у отца – растопыренные и напыщенные, потому что он ходит всегда носками, развёрнутыми наружу.

– Интересно. Никогда не обращал на это внимания... – искренне заинтересовался я.

– А какие они у вас? – полюбопытствовала она.

– Хм... Сегодня сниму дома и выясню, – улыбнулся я, уже заранее зная, что никогда ей об этом не скажу.

С этого дня я всегда прятал от всех свои чёрные ботинки с грубой шнуровкой в шкафу. И, смотря на них дольше обычного, пытался понять, что же они из себя представляют. К туфлям, которые я носил на работе, я относился более прохладно, так как они нравились мне меньше всего из-за своего цвета и острого носа, которым я каждый раз бился, наступая на очередную ступень бетонной лестницы. Скользкие шнурки каждый раз развязывались в самый неподходящий момент, а пару раз я даже спотыкался о них, когда спешил на урок. В общем, они были капризными и всегда совали свой нос туда, куда не надо. И явно не были на меня похожими. В конце рабочего дня я обычно швырял их, а они с грохотом бились об стенку шкафа, словно угрожая мне расправой на лестнице, где я могу случайно споткнуться об их острые носы и развязавшиеся внезапно шнурки, поэтому я уже приглядывал себе другую пару на несколько неразлучных лет.

– Слышали, что в ноябре начнётся отмечивание? – сказали наспех покрашенные губы, из-под которых нехотя выглядывали нестройные зубы.

– Списки безликих уже висят в холле, – подпрыгивали в ответ хозяйке кокетливые туфли с лакированными вставка-

ми.

– Что поделаться. Надо так надо, – вздохнули горбатые ба-
летки.

– Ну, не знаю . . . – продолжали нервничать и заводить всех
вокруг лаковые туфли с прыгающей ногой.

– Что такие кислые? – улыбаясь, пришёл устойчивый и
низкий каблук, так и не получив ответа.

– А может, мы просто бактерии, и не стоит волноваться
по поводу ещё одной придумки «сверху», всё равно рано или
поздно окажемся снизу, – предположил я вслух, сам того не
заметив, и мои ботинки со скверным характером спешно вы-
вели меня из учительской.

***

Я вышел на улицу и увидел белый снег, который робко
ложился на изодранную землю. В каких-то местах она была
стеклянной от хрупкого льда грязных луж, а где-то была изъ-
едена следами сапог, которые впечатались в лысеющую по-
верхность. Всё вокруг было такое смиренное и свободное. . .
Деревья молча наблюдали за мной, наклоняя свои чёрные
голые ветки. Влажный и холодный ветер словно обнажал моё
тело, и с каждым его порывом мне становилось всё холоднее.
На руке была красная отметина. Теперь я безнадежно безли-
кий. . .

Весь будущий вечер я вместе с котом пролежал на узком
неразложенном диване в лихорадке. Даже старый халат не
мог разогнать дрожь в моём теле, которая тысячами малень-

ких и бойких кулачков билась внутри меня. Отметина искала место там, где ей удобней всего будет за мной присматривать следующие полгода, пока её вновь не обновят, вкалывая в руку новую дозу. Теперь без неё я никто. А я для неё – всё. Сделав несколько усилий, я достал из рыжего комода толстый альбом с фотографиями. Незатейливый нарисованный букет цветов украшал его обложку. А внутри... внутри мой мир в осколках. Спешно кладу его туда... в тёмное место, в угол моей души, где прячется на корточках Человек. Он измождён, он устал. В нём больше нет страха. Только лишь смирение и боль – тупая, сверлючая. Она сдавливает грудь и щемится в глаза, вызывая солёные слёзы. Он в тюрьме – тёмной и сырой. И понимает, что в этом мире ничто не поможет ему из неё выбраться. Это ад, с которым можно покончить в любую минуту. Стоит быть лишь готовым и осознать, что ты всего лишь бактерия Ставринского, которая возомнила себя Человеком.

***

Ранним утром выпало ещё больше снега, но он был ненастоящим. Совсем скоро он вновь растает и превратится в грязь, которая забрызгает проезжающие мимо машины, за рулём которых сидят люди-собаки. Они превращаются в них, как только переступают порог своей железной будки. Иногда это сенбернары, которые облаивают друг друга по делу и без дела. А бывает и шустрая чихуахуа ссорится с коротконогим шпицем, которого незаслуженно «подрезали»

на дороге или не уступили место на парковке. Пород очень много. Их и не сосчитать. В отличие от настоящих собак, все они знают себе цену или, по крайней мере, делают вид. Я же ощущал себя бродячей дворнягой, которая после тяжёлой болезненной ночи пахла котом. В руках были пакеты с зелёными тетрадами полулицых. В них были торопливые и нервные почерки с рисунками на полях в виде цветочков, ромбов или грустных лиц людей. Лишь некоторые из них были образцовыми и писались по шаблону. Они были для меня, для оценки, а в тех, неуклюжих и потрёпанных, вырывалась наружу свобода выбора и неправильность, честность и простодушие. Всё то, что ещё осталось у полулицых и отнято у безликих.

Сажусь в такси, а там сидит тучная бритая голова. Пока не могу понять, что это за порода такая. Чувствую, как из-за затылка хотят прорваться слова, много слов, но хозяин машины ещё не знает, с чего начать и надо ли...

– Что-то вы сегодня грустные... Что-то случилось? – наконец сказал мне водитель, как будто отвозит меня на работу каждый день.

– Да... ничего... просто серьёзный, – вытер я платком испарину со лба от оставшейся ночной температуры. – Шучу. Просто плохо перенёс отметину, – решил быть честным я.

– Это да. К вечеру должно пройти. Реакция организма на чужеродное тело, – объяснил он мне, будто я и сам не знал об этом.

– Да... лишь бы помогло... – продолжил я.

– Поможет. Я врач, детский нейрохирург, поэтому знаю точно, – чуть ли не подмигивал мне затылок.

– А почему врач водит такси? Подрабатываете?

– Если бы... Пытаюсь заработать на съёмную квартиру.

Мы с сыном приехали в ваш город, а остановились в хостеле. Говорят, ваш город самый лучший. Вот и выбрали его, – бодро отвечал он.

– А сынок маленький?

– Три годика.

– А с кем же он сейчас остался, пока вы таксуете?

– Хозяйка хостела пока присматривает за ним. Она же мне машину и дала, чтобы я смог хоть какие-то деньги заработать на первое время.

Спустя несколько минут он добавил:

– Мой дом взорвали... Жена, годовалая доченька, родители – все умерли. Только Дениска один остался у меня. В гараже играл, когда взрыв был. Это его и спасло.

– А сами где были?

– Солдатов спасал раненых на дежурстве. А тем временем моих...

Пытаюсь найти глаза отца в зеркале машины, но безуспешно. Лишь дрожь в голосе выдаёт боль. Осознал ли он потерю, принял ли её... думаю – нет.

– Как же вы теперь... – смог лишь выдавить я из себя.

– Пытаюсь держаться ради сына... Нашёл работу врачом.

– Это хорошо, что ещё есть ради кого жить, а то и незачем было бы.

Сегодня это была не железная будка, а исповедальня. А я был в роли священника, который даже ничем не смог помочь, потому что это невозможно. Либо ты продолжаешь свою «человекобактерскую жизнь», либо уходишь вслед за ними. Так я подумал, закрывая дверь автомобиля.

После разговора с водителем я часто стал обращать внимание на тех, кто с достоинством носит в себе вселенскую любовь к Родине и Отечеству. Они с гордостью надевают на себя купленную в магазине военную форму, натянутую на неспортивную фигуру. А на ногах скрипят ещё не ношенные в бою чёрные берцы. Я им искренне завидовал и с сожалением понимал, что мне никогда не стать ими. Даже перечитанная мной военная литература не помогла мне в этом, как бы я ни старался. А трёхцветные знаки с острыми линиями, развешенные на «железных будках» и окнах зданий, не смогли разбудить во мне древнего воина. Должен же кто-то разбавить общество безликих пятидесяти-шестидесятилетних женщин, перебегающих дорогу в неположенном месте, да и моё тело уже смирилось с отметиной. Не зря же на меня потратили уникальный биоматериал, чтобы он так нецеломудренно пропадал. Да и полулицы уже привыкли ко мне. Вряд ли кто-то другой из безликих сможет расшифровать их почерк. Смотрю на них. Идут, как стайка птиц, сбитых в кучку. А за ними ползёт дым, который они выпускают пооче-

рѣдно из-под чѣрных капюшенов. Он молча рассеивается на морозе и ложится на усыпанные снежинками куртки прохожих. Иногда вырывается в затуманенное от холода небо.

Когда-то давно у полулицых были вместо чѣлок глаза – большие, распахнутые. В детстве мы смотрели в небо, катаясь на железных скрипучих качелях с облупившейся краской, и мечтали летать. Раньше мне часто снились сны, будто я взлетаю, усиленно размахивая детскими ручонками. Вначале я кружил над своим домом, а потом порхал над соседскими улочками. Бывало, земля так сильно притягивала меня вниз, что я опускался, но спустя несколько минут вновь набирал обороты и продолжал свой полѣт. Помню, как возле детского сада стояла самая высокая ель, и я искренне верил, что если подняться на самую вершину, то я коснусь кончиками пальцев краешка голубого неба.

Сегодня мне лишь снится, как я срываюсь с высокой скалы, цепляясь изодранными пальцами за камни, которые расшатываются от моего веса и падают вместе со мной вниз, на землю. Туда, где ползают люди, держа в тонких щупальцах электронные бумажки и оружие.

***

Захожу на пятничное собрание. Обычно оно проходит в одном из самых больших кабинетов с трибуной, где вход всегда сзади, поэтому вижу лишь сгорбленные и уставшие спины, на которые накинута цветастая платка. Их туфли, надетые на перекрещенные ноги под столом, молчат. Сажусь за

самый последний стол, чтобы меня не было видно. Я призрак, выполняющий ежедневные рабочие функции. Только лишь скрип стула выдаёт моё присутствие. Зал наполняется бесправными. Они же безликие. Никто не хочет выделяться. Лишь несколько с хитринкой переговариваются друг с другом из-за соседних парт, вытянув перед собой мощные икры ног, натянутые в чёрные капроновые колготки. Нервно калякаю в блокноте, обвожу клетку листов черной ручкой. Я знаю, что буду делать это в течение всего часа, лишь прерываясь на список новых заданий. Поднимаю голову и вижу белую шифоновую блузку в мелкий чёрный горох. Ей одной не было холодно в этом кабинете. Она была будто из другого мира. Светлые волосы аккуратно ложились на ровные плечи, а шею обвивали жемчужные бусы. Распахнутые глаза смотрели на окружающих и оценивали обстановку, а вздёрнутый носик и чуть раскрытый рот придавали миловидность. Пальцы рук сжали шариковую ручку и приготовились писать, боясь пропустить что-то важное, пока ей в ухо нашёптывал бесформенный рот безликой.

«Неужели она здесь ради полулицых...» – подумал я, вновь наклонив голову над блокнотом.

Всю следующую неделю я часто стал прогуливаться по коридору в своих длинноносых ботинках, несмотря на то, что они всё так же мне устраивали подлянки на лестнице. Конечно же, я хотел увидеть её. Она стучала по бетонному полу своими ровными шпильками и с волнением искала каби-

нет, сжимая в руках ворчливую связку ключей. Это был белый мотылёк, который летел на свет, но случайно оказался в подземном сыром овраге, где ползают сотни безликих и полулицых, некоторые из которых ещё могут превратиться в бабочек, расправив хрупкие крылья.

– Вы этот искали кабинет? – спросил я её будто невзначай.

– Да, – ответила она, кивнув головой.

Весь следующий месяц мы здоровались друг с другом. Она улыбалась, а я любовался её прозрачными крылышками, какие бывают только у мотыльков. Но в один день я понял, что перестал видеть это создание в нашем подземелье. Скорее всего, из мотылька она превратилась в бабочку или стрекозу и, улетев в голубое небо, под которым лежат зелёные цветущие луга, устроилась на другую работу. Так я думал до тех пор, пока не встретил её на одном из курсов, которые проводят у безликих время от времени. Это было спустя полгода после её увольнения. Прежнего мотылька выдавал лишь знакомый профиль и чуть раскрытый рот. Глаз больше не было... они потускнели и стали сливаться с её исчезающим лицом. Когда-то распущенные волосы были прибраны в строгий пучок, а вместо шёлковой блузки в горох на острых плечах висела бесформенная серая кофта. Она не узнала меня, лишь проходящие мимо балетки, которые она несла на себе, недовольно фыркнули мне в ответ на мой оценивающий взгляд. Тогда – то я вспомнил, что мотылькам не дано превращаться в бабочек.

Пришёл я домой раньше обычного. Кот всё так же безучастно смотрел на меня, сидя на холодном подоконнике. Сегодня мне как никогда захотелось открыть фотоальбом.

Открываю его... а там... там – они. Вот она сидит на нашем диване с пятном на футболке, который посадил ей наш сынишка, когда она кормила его кашей. А вот и он сам... стоит, улыбается, глядя на меня, на снимке. Долго мы с тобой не виделись... целых девять лет я пытался забыть твои большие голубые глаза с пушистыми ресничками. Стоишь на пухлых ножках в шортиках, а в руках швабра зелёная. В тот год, помню, за мамкой всё повторял. Вот и за швабру схватился. Рядом хохочет дочурка. Такая хрупкая, родная, будто сейчас обнимет меня за шею сзади и скажет, чтобы я ей спинку почесал.

Так и не смог. Не смог после случившегося даже открыть квартиру. В ней остановилось время. Схватил вас на фотографиях и ушёл, ушёл жить дальше, а не получилось. Сейчас думаю, что и снимки не надо было брать... Всё равно перед глазами везде. Я обнял альбом и сделал твёрдый шаг в окно.

Ночной город кипел, бурлил, издавал машинные звуки, человеки-бактерии вновь и вновь копошились, рождались и умирали, подписывали важные бумаги. В чёрном квадрате учёные продолжали спорить о смысле жизни, тем временем другие осваивали Космос, а кто-то уезжал на войну. Ничего нового. Всё как и много-много лет назад.